

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Анжела Уэллс
**ИСТЕРЗАННОЕ
СЕРДЦЕ**

Angela Wells TATTERED LOVING

Уэллс Анджела

Истерзанное сердце

1992

Анджела У.

Истерзанное сердце / У. Анджела — 1992

Сапфира, юная очаровательная англичанка, знакомится во время рождественских каникул с молодым, красивым, уверенным в себе греком по имени Танос. Поженившись, они уезжают в Грецию и какое-то время чувствуют себя очень счастливыми. Но жизненные перипетии, болезнь Сапфиры после рождения близнецов, взаимное недоверие, ревность отдаляют супругов, они перестают понимать друг друга – и дело доходит до развода. Но в конце концов любовь торжествует, и к ним снова возвращается счастье.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анджела Уэллс

Истерзанное сердце

*А может быть, созвездья, что ведут
Меня вперед неведомой дорогой,
Нежданный блеск и славу придадут
Моей судьбе, безвестной и убогой,
Тогда любовь я покажу свою...*

В. Шекспир, 26-й сонет

Глава 1

На Сапфире было простое белое платье, с небольшим круглым вырезом у шеи, короткими рукавами, смягчающими угловатость плеч, и слегка соборенной у пояса юбкой, скрывающей тонкую линию бедер. Дрожал от ранней полуденной жары воздух, но свежая белизна ее платья, казалось, хорошо защищала от ярких лучей греческого солнца, окутавших зноем пустынные улицы, по которым она брела с бесчувственностью автомата.

Несмотря на жару, ее не тронутые загаром обнаженные руки покрылись гусиной кожей, а по спине упрямо пробегал холодок.

Вместо белого мне следовало быть в черном платье, подумала Сапфира с какой-то странной отрешенностью, которая словно завладела всем ее существом с того момента, как закончилось дело о наследстве. Черный цвет, цвет скорби: разве она уже не лишилась почти всего, ради чего когда-то жила? И разве она сейчас не готова отказаться от того, что еще связывает ее с этим миром?

Прогулка пешком даст мне возможность собраться с духом и проиграть в уме то, что я намерена сказать Тэйну. Не будет ни слез, ни обвинений, с мрачной решимостью подумала она. Слишком многое я потеряла, но по крайней мере вернула себе хоть частицу утраченного достоинства. Ей пришлось провести три бессонные ночи, чтобы осознать жестокую реальность случившегося, унять боль и принять мучительное решение.

Свернув с дороги, она пошла по пыльной тропинке, по обеим сторонам заросшей травами и дикими цветами, еще не успевшими выгореть от беспощадных лучей слишком жаркого для этого времени года солнца. Сапфира приблизилась к вилле, и ноги словно сами собой повлекли ее через прекрасный, немного запущенный сад с вымощенными дорожками и расположенными на разном уровне площадками; сквозь буйное разноцветье штокроз, георгинов, роз и гладиолусов, мимо каменных колонн, увитых ультрамариновым вьюнком, ярко-красными цветами бугенвиллеи и оранжевыми колокольчиками, и дальше под арку, к массивным, оливкового дерева, дверям парадного хода.

Некоторое время она стояла с поникшей головой, ее прекрасные, с серебристым отливом, волосы, туго заплетенные в косу и уложенные наподобие диадемы, открывали беззащитно-хрупкую шею. Сапфира сняла большие солнечные очки, скрывавшие ее лицо, и стала что-то искать в небольшой, висящей на плече сумке.

Пока ее пальцы лихорадочно рыскали в сумке, она вдруг почувствовала неудержимый приступ гнева и раздражения против самой себя. Она опять по привычке забыла, что не может, как раньше, пользоваться виллой Андромеда. Еще недавно Сапфира была здесь хозяйкой, теперь же она только гостья.

Тяжело вздохнув, она оставила тщетные попытки найти не принадлежавший ей больше ключ, защелкнула сумку и нажала на кнопку звонка с уверенностью, которой вовсе не чувствовала.

– Госпожа Ставролакес...

В приветствии, с которым обратилась к ней открывшая дверь средних лет женщина, была странная смесь радости, грусти и смущения; Сапфира поздоровалась, слегка кивнув головой, будто не было ничего необычного в ожидании приглашения от собственной прислуги войти в собственный дом, если, разумеется, не считать того, что она больше не была желанным гостем в доме... и лояльность Эфими теперь распространялась только на Тэйна.

– Полагаю, Эфими, что *kyrios* (Господин, хозяин (новогреч.) ждет меня, – сказала она, входя в прохладный холл. В ее голосе, легком и приятном, не чувствовалось никакого напряжения.

Она вполне могла бы сказать «мой муж» или даже «господин Тэйн». Вместо этого Сапфира решила употребить наиболее подходящую случаю форму обращения. Педантичное соблюдение внешних правил и вежливость отвечали духу нового времени, а открытое и слишком явное проявление чувств стало достоянием прошлого. Сильные чувства свойственны человеку, ощущающему в себе биение жизни, а со времени решения суда она считала себя «мертвой» во всех смыслах, кроме чисто биологического. После постановления суда, которое ей, с ее англосаксонским чувством справедливости, казалось настолько же абсурдным, насколько и фатально неоспоримым, ее кровь словно оледенела.

– Не соблаговолит ли госпожа немного подождать... – Эфими чувствовала себя явно неловко, прося Сапфиру подождать в принадлежавшей ей совсем недавно гостиной. Прикусив в замешательстве губу, она поспешила добавить: – Господин, по-видимому, не ожидал вас так рано. Он только что закончил завтрак и сейчас, наверное, принимает душ.

– Ничего страшного, я подожду. – Прямая как струна, элегантно походкой принцессы Сапфира направилась в гостиную. – Надеюсь, когда он закончит, ты сообщишь ему о моем приходе. – К своей досаде, она невольно представила себе Тэйна обнаженным и уязвимым под струями бьющей из душа воды. Нет, вовсе не уязвимым. Уязвимость предполагает слабость, что вовсе не присуще человеку, который был ее мужем. Именно его сила и неукротимая целеустремленность пленили ее в тот вечер, пять с половиной лет назад.

Ей было семнадцать лет, и был канун Рождества.

Присев на край одного из длинных, с великолепной обивкой, диванов из соснового дерева, она мысленно вернулась к той встрече в прекрасной западной части Англии. Она была там в своем обычном окружении, в среде студентов местного художественного колледжа, где изучала искусство дизайна по текстилю.

Отметив окончание семестра и одновременно наступление Рождества, они возвращались по домам на маленьком, взятом напрокат автобусе. Раскрасневшись от выпитого шампанского и ощущая любовь ко всему человечеству. Сапфира ворвалась в затемненный холл своего дома, ожидая найти его пустым, и вместо этого натолкнулась на брата.

– Дэвид, дорогой! Я думала, ты будешь отмечать Рождество с Маршей! – Удивление при встрече помешало ей заметить еще одного человека, вставшего при ее столь бурном появлении. С тревогой, от которой на ее лоб набежали морщинки, она всматривалась в лицо брата, опасаясь, не связано ли его присутствие здесь с какими-то личными неприятностями.

– Я тоже так думал, – сокрушенно ответил он. – Но оказалось, она не сможет выбраться до «Праздника бокса», и я решил провести пару вечеров со своими и даже пригласил друга отпраздновать Рождество вместе с нами. – Чудесно! – Она радостно рассмеялась, вся во власти счастливого возбуждения от собственной молодости, здоровья и бьющей в ней через край жизни и предвкушения полного забавных приключений праздника. – Это для меня первый рождественский подарок в этом году! – Почувствовав присутствие в комнате еще одного человека, она повернулась, чтобы поздороваться с гостем.

Ее предположение, что незнакомец был одного возраста с Дэвидом, оказалось ошибочным. Дэвиду было двадцать. Гостю – где-то под тридцать, решила она, когда он шагнул вперед

и Сапфира смогла рассмотреть его лицо. Определенно он уже не мальчик. Возможно, никогда и не был таковым, если считать, что быть мальчиком означает быть неловким, застенчивым, иметь нечистую от гормональной перестройки организма кожу лица, почему-то подумала она, опасаясь проявить легкомыслие, слишком небрежно поздоровавшись с ним, в то время как он остановил на ней внимательный, изучающий взгляд своих мрачных глаз. В том, как он смотрел на нее, не было ничего неуважительного, и все же Сапфира отчего-то почувствовала неловкость за платье, выбранное ею для вечеринки.

Она решила сделать костюм Ундины, водяной феи, и поздравила себя с удачной задумкой, которую было нетрудно осуществить и, проявив воображение, добиться желаемого эффекта. По платью телесного цвета, плотно облегающему фигуру, струились светло-зеленые и голубоватые ленты из шифона.

Перемещавшиеся радужные краски перебивались полосками серебристой парчи, сверкающей в лучах света, а в распущенные до пояса пепельно-золотистые волосы были вплетены тонкие серебряные нити.

На вечеринке ее костюм вызвал бурю восторженного одобрения. Теперь же, в присутствии этого возвышающегося над ней божества с глазами мудреца, чей взгляд грозил нарушить ее внутренний покой, она внезапно почувствовала себя наивным, неискушенным ребенком. Его глаза, именно глаза, внушали ей тревожное чувство незащитности: их радужная оболочка, окрашенная в мягкий светло-зеленый цвет тропической реки, полной неукротимой энергии жизни и в то же время безмятежной и спокойной в лучах полуденного солнца, их яркие белки на смуглом лице, неожиданно густые ресницы и тени от глубоких глазниц.

– Сапфира, – произнес Дэвид, не замечая ее волнения, – познакомься с Атанаскосом Ставролакесом. Он участвует в наших исследованиях по инженерной и компьютерной технике в Ньюколледже. А так как он решил остаться на праздники в Англии, я подумал, ему будет интересно увидеть, как мы отмечаем Рождество.

– В Греции самый большой праздник – это Пасха. – В его низком, глубоком голосе можно было уловить едва заметный акцент уроженца Средиземноморья, а его глаза, в которых чувствовалась невероятная уверенность и сила, смотрели на нее с улыбкой.

– Да, – ответила она, восстанавливая из глубин памяти давно забытые сведения и желая произвести впечатление на необычного незнакомца. – Да, я знаю.

Она почувствовала легкое головокружение, когда он приблизился к ней и взял ее руку, чтобы обменяться дружеским рукопожатием.

– Сапфира, – мягко сказал он, превратив звук ее имени в запретную ласку, от дерзости которой по ее телу пробежала дрожь, а сердце стало учащенно и почти болезненно биться, тогда как глаза его говорили о том, в чем она боялась себе признаться. Их взгляд неторопливо и оценивающе скользнул по ее фигуре, от макушки до серебристых носков туфель, затем вернулся и впился в ее широко открытые, настороженные, опущенные черными ресницами голубые глаза. – Уверен, что это не совсем обычное имя для англичанки, или я еще более невежествен, чем полагал.

Невежественность совсем не вяжется с таким человеком, как он, мелькнуло у нее в голове. Если есть люди, на лицах которых лежит печать интеллекта, то Атанаскос Ставролакес, несомненно, один из них!

– Это библейское имя, – сухо ответила она. – Мой отец не очень-то жалуется все слишком современное. Сапфира была женой Анания.

– Да, верно, – сказал он, подтвердив ее первое впечатление кивком головы. – Человека, заплатившего за ложь своей жизнью. Если мне не изменяет память, жена разделила его судьбу.

– Я всегда считала, что это слишком жестокое наказание за верность! – Сапфира смотрела на него с вызовом, готовая защищать женщину, чье имя она носила. – Если я люблю кого-нибудь, я тоже буду верна ему до самой смерти!

Какими пустыми и жестокими казались ей теперь эти слова, хотя тогда она искренне верила в то, что говорила. В полном неведении о боли, которую несет с собой любовь, она была такой наивной простушкой!

– Завидую этому счастливцу, – быстро нашелся он. Его красиво очерченные губы тронула улыбка, а глаза спокойно читали вызов, написанный на ее лице. – Но, я вижу, сегодня вы не собираетесь играть роль вашей злополучной тетки. По-моему, вы водяная лилия, верно?

– Вовсе нет, – рассмеялась она, радуясь возможности ослабить растущее внутри напряжение. – Я нимфа – водяная фея.

Их взгляды встретились, и Сапфира почувствовала, как ее втягивает магнитное поле, в котором фантазия властвует над реальностью.

– Может быть, вы и есть мой рождественский подарок, а? – спросил он с шутливым видом.

О Боже, она вдруг вспомнила о присутствии брата. Что подумает Дэвид об этой шутливой, похожей на флирт перепалке между незнакомыми людьми? Но Дэвид стоял к ним спиной, наполняя рюмку и бормоча что-то вроде того, как неудобно иметь подругу, работающую сестрой в больнице.

Она вежливо улыбнулась, не отвечая на вопрос, и подумала, что этот знакомый ее брата самый красивый из всех мужчин, которых ей приходилось встречать. Он не был похож на рекламных красавцев. Что-то неуловимо жестокое отличало его великолепного рисунка рот. Быть может, такое впечатление создавали резкие складки, сбегающие от его уголков и заставляющие думать, что в этом человеке было больше от дьявола, чем от святого? А его глаза! В их затененной ресницами глубине можно было утонуть и, вынырнув на поверхность, оказаться выброшенной на далекий пустынный берег! Совершенно безотчетно взгляд Сапфиры устремился вниз, вбирая в себя его плечи, обтянутые белой тканью строгого покроя рубашки, сильную, с рельефными мышцами грудь, стройную талию и ноги, длина бедер которых не соответствовала ее представлениям о пропорциях, характерных для этой средиземноморской расы.

– Может быть, стоит поменять подарок, если он выходит за рамки общепринятого? – В его голосе ощущалась обманчивая мягкость, в то время как глаза своим блеском, твердостью и скрытым в них пламенем напоминали алмазы.

– Некоторые так бы и сделали, – небрежно согласилась она, пытаясь как-то сладить с бешено бьющимся сердцем и невольной дрожью в руках. – Но у нас здесь есть поговорка: главное – это то, что задумано.

Стройная и элегантная, как балерина, она потянулась, пытаясь расслабиться. В желании родителей принять неожиданного гостя не было ничего необычного. В конце концов, в их четырехкомнатном доме легко найти место еще для одного человека, если Сапфира уступит свою спальню и временно поселится в комнате старшей сестры Эбби.

– Полагаю, Дэвид уже сказал вам, какую комнату вы займете, господин Ставролакес?..

В знак признательности он склонил свою красивую, густо поросшую жесткими, обрамляющими широкий лоб волосами, голову.

– Я буду спать в вашей постели, Сапфира, если вы не возражаете?

– Разумеется, она к вашим услугам! – Этот легкомысленный ответ был подсказан давними воспоминаниями о греческом гостеприимстве. И все же она не смогла подавить пробежавшую по спине легкую дрожь неясного ожидания. Ощущение было такое, будто она сказала: «Возьми меня, я твоя!» – Желаю вам приятных сновидений, господин Ставролакес.

– Благодарю вас. – При этом на его лице не было улыбки, ей показалось, что он прочел ее мысли и отнюдь не удивлен. – Поскольку мне предстоит отметить праздник вместе с вами, я бы хотел просить вас называть меня просто Танос.

– Танос... – повторила она вслед за ним, чуть склонив набок голову. Имя довольно необычное и очень красивое...

Инстинкт где-то в глубине ее существа подсказывал ей, что она ведет опасную игру, открыто поддразнивая человека, чей зрелый опыт намного превосходит все то, что умеет и знает она. Но в семнадцать лет она была слишком юной и беспечной, чтобы осознать, насколько привлекало ее невинное кокетство этого красивого грека, поощрявшего своим заинтересованным вниманием девушки.

Она словно проверяла недавно пробудившуюся в ней чувственность на этом бывалом и зрелом человеке. Какой же глупой, какой наивной девочкой была она, когда смеялась, глядя в его спокойное лицо своими веселыми, с прыгающими в них чертиками глазами.

– Но мне кажется, я предпочла бы называть вас иначе, каким-нибудь особенным именем, которым могли бы пользоваться только я и вы...

В ответ он лишь медленно приподнял бровь и посмотрел на нее тем оценивающим взглядом, который привнес беспокойную напряженность в эту уютную комнату. Посчитав за согласие его молчание, Сапфира заявила:

– В таком случае это будет Тэйн. Я буду называть вас Тэйн!

Тогда она не понимала, почему это имя так быстро пришло ей на ум. Позже, пораженная силой своего подсознания, она обратилась к словарю, где прочла: «Тот, кому дарована земля за храбрость и заслуги перед королем». «Человек, стоящий на социальной лестнице где-то между простыми гражданами и родовитой знатью».

Тэйн. Повелитель... властелин... господин.

Усилием воли она отогнала от себя мысли о прошлом. Вилла Анцромеда была построена на склоне холма в окрестностях Кефины, небольшого городка неподалеку от Афин, через застекленные двери виллы виднелись спускающиеся террасами сады, внизу соседствующие с участками мелких арендаторов. Все вокруг дышало безмятежным покоем, будто на время здесь остановилась всякая жизнь, создав для ее страданий атмосферу стерильной пустоты.

Ее взгляд беспокойно блуждал по обставленной со вкусом комнате, где она сидела.

Ничто не изменилось с тех пор, как она приняла девять месяцев назад решение оставить виллу и переехать на квартиру к Лорне. Выложенный мозаикой пол сиял безупречной чистотой, мебель соснового дерева с элегантно обитой могла бы стать экспонатом на выставке «Дом и сад», стены, украшенные арками и альковами, как и прежде, привлекали взгляд. Да и с какой стати здесь что-то должно было измениться, с болью в сердце спросила она себя. По правде говоря, она мало что привнесла в размеренный быт Тэйна, если не считать нескольких незначительных изменений. Для мелких услуг по дому он нанял прекрасно справляющуюся со своими обязанностями Эфими.

Ее собственное влияние на жизнь Тэйна казалось ей поистине уникальным... по крайней мере раньше. Внезапно ее охватило такое отчаяние, что она вцепилась пальцами в лежащую на коленях сумку, как бы ища в ней опоры. Она всегда любила эту милую комнату. И всегда ей будет недоставать ее располагающей к покою атмосферы.

Звук отодвигаемой дверной задвижки предупредил ее о приходе Тэйна. Повернувшись всем корпусом к открывшейся двери, Сапфира непроизвольно выронила свою сумку из нервно сжимавших ее пальцев; упав, она волчком завертелась по гладкому полу, пока наконец не остановилась чуть поодаль от нее. Сапфира почувствовала, как напряглось ее лицо от раздражения из-за собственной неловкости. Стоило ей на мгновение расслабиться – и вся ее внешняя уверенность и достоинство стали рушиться, подобно Кноссу накануне крушения Минойского государства!

Не сгибая спины, Сапфира осторожно опустилась на колено, чтобы поднять непокорную сумку, и медленно сосчитала до трех, стараясь прийти в себя, прежде чем она грациозно поднимется и встретит враждебный взгляд человека, наблюдающего за ней с видом погруженной в раздумье Немезиды, собирающейся вынести свой приговор.

Наверное, так выглядел Люцифер после последнего и нелюбезного разговора с Богом, подумала она, позволив себе роскошь ответить на его оценивающий взгляд безмятежным взглядом своих голубых глаз и с удивлением отметив, что вопреки ее представлению о нем, о его неизменной, твердой, как алмаз, воле в этом доме он один успел как-то измениться в этом царстве невозмутимого постоянства! Еще темнее стали круги под глазами, чуть бледнее стало загорелое лицо, вокруг страстных, щедрых на ласку губ появились едва заметные морщины – свидетельство длительного внутреннего напряжения.

И все же в главном он остался прежним. Все та же горделивая и самоуверенная осанка вызывающе мужественного тела, тот же упрямый подбородок и столь знакомое выражение безжалостности, лицо, чуждое нежности и понимающего сочувствия. Неукротимый, подумала она, не в силах скрыть охватившую ее дрожь. Да, точнее не скажешь. Было что-то символическое в том, как несколько секунд назад она в буквальном смысле стояла перед ним на коленях. Поневоле вспомнишь Фрейда. Тэйн. Властелин... господин... повелитель.

Внезапно Сапфира покачнулась, и комната превратилась в погруженный во тьму туннель, поглотив неумолимое лицо Тэйна, исторгнув из нее тихий стон. Она скорее почувствовала, чем увидела, как расстояние между ними сократилось, и по внезапно повеявшему на нее теплу и безошибочно мужскому запаху свежевыбритого лица поняла в тот самый момент, что он подхватил ее в свои объятия и избавил от неудобства приземлиться на слишком жесткий пол.

Несмотря на обморок, сознание не успело полностью отключиться. Еще до того, как ее быстро и без усилий усадили в кресло, мозг вновь почувствовал живительную силу кислорода. Какая самонадеянность с ее стороны посчитать себя готовой к встрече с Тэйном в подобных обстоятельствах. Она явно недооценила силу его воздействия на нее и, возможно, переоценила себя.

– Возьми. Это поможет тебе восстановить силы. – Он протянул ей хрустальный бокал с бренди.

– «Метакса»? Мне? – Она уже успела прийти в себя и окинула его вызывающе насмешливым взглядом. – Но ведь день Святой Доминики будет в январе, а не в июне!

С болезненным удовлетворением отметила она, как побелели суставы его пальцев, обхвативших хрустальную поверхность бокала. Прекрасно, стрела достигла цели! Значит, он не забыл, как однажды, увидев ее с бокалом в руке, он заметил с ядовитым сарказмом, что она, по видимому, каждый день воспринимает как праздник Святой Доминики! Сапфира не поняла, что он имеет в виду, и с чувством спокойного превосходства он объяснил, что имеет в виду событие, когда гречанки празднуют День повитухи.

– Этот праздник имеет сомнительную славу единственного дня в году, когда нашим женщинам позволено быть несколько неумеренными в питье без страха подвергнуться критике за свою невоздержанность, – сказал он со значением.

Незаслуженный выпад глубоко ранил ее. Правда, она действительно каждый вечер перед сном стала выпивать по рюмке бренди, чтобы заснуть, но она вовсе не ожидала, что он оскорбит ее, назвав пьяницей, и боль от обиды все еще не утихла.

– Запомнила? – В устремленном на нее задумчивом взгляде уже не было напряженности. – Ты удивляешь меня. Сапфира. Я всегда думал, что обычаи и культура моей страны глубоко тебе безразличны.

– Я думаю, несправедливость надолго остается в памяти, – сухо сказала она. – Греция никогда не была мне безразлична.

– Значит, причина в самих грехах или, точнее, в одном из них, не так ли? – Насмешливость его тона вызвала в ней желание ответить дерзостью. Понимая, что это небезопасно, она сделала глубокий вдох, пытаясь совладать с волнением, гордая тем, что может контролировать себя, и спокойно сказала:

– Если тебе хочется так думать, – ее плечи покорно опустились, – у меня нет никакого желания с тобой спорить.

– Твои взгляды явно изменились к лучшему, – мягко заметил он и вновь протянул ей рюмку. – Ну что ж, в таком случае прими свое лекарство – и улыбнись!

– Нет, нет, я не буду, – она сделала отстраняющий жест рукой. – Глупо пить на пустой желудок, особенно в такую жару.

– Ты не завтракала? – От раздражения его лоб прорезали морщинки. Вся его фигура выражала требовательное желание услышать от нее немедленный ответ.

Со вчерашнего дня у нее не было во рту ни крошки. В последнее время она утратила всякий интерес к пище. Чем меньше она ела, тем меньше ей хотелось есть. Она пожала плечами, болезненно ощущая критический, изучающий взгляд Тэйна, от внимания которого не ускользнула ее чрезмерная худоба.

– Мне не хотелось есть, – равнодушно ответила она, надеясь, что он переменит тему. – Иногда в жару со мной такое случается.

– Г-м... – нетерпеливым жестом он поставил рюмку на стол рядом с ней и поспешил к двери, чтобы позвать Эфими. Его голос властно нарушил тишину холла. – Пожалуйста, что-нибудь повкуснее для моей жены, и немедленно. Что-нибудь для поднятия аппетита...

Он быстро вернулся в гостиную и остановился перед ней, высокий, мужественный, прекрасный в своей властной уверенности в себе. Его неотразимое обаяние когда-то произвело на нее глубокое впечатление. Теперь же, глядя на него, она не испытывала былой радости. От того, что было и что она искренне считала любовью, осталась лишь боль, боль, ставшая неотъемлемой частью ее существования в последние несколько месяцев. – Эфими принесет тебе что-нибудь поесть, – сухо сказал он, с вызовом глядя на нее. – Сделай одолжение, поешь немного, Сапфира. В данных обстоятельствах твой отказ будет выглядеть непростительно безответственным. Если ты не боишься садиться за руль в таком состоянии, подумай хотя бы о том, что рядом будет моя дочь.

Слишком взвинченный, чтобы спокойно стоять на месте, он нервно расхаживал по комнате, глубоко засунув руки в карманы домашних брюк, отчего они плотно обтягивали его стройные ягодицы. Слегка ссутулив свои мощные плечи, он вышагивал перед ней с грациозной стремительностью хищного зверя. Его жесткие, непокорно выющиеся темные волосы красиво обрамляли великолепную голову.

– Я пришла сюда пешком, – спокойно заявила она, почувствовав на мгновение торжество от его внезапного смятения.

– Пешком! – в гневе выкрикнул он. – Ради всего святого! Ты шла пешком от самого города? В такую жару? Неудивительно, что ты выглядишь полутрупом!

– Благодарю, Тэйн. – Она криво усмехнулась, не обидевшись на его слова, так как знала, что это была самая настоящая правда. Каждое утро, глядя на себя в зеркало, она убеждалась в том, что в ней не осталось ничего от прежней привлекательности. Это исхудалое лицо, выпирающие ключицы, эти костлявые руки, когда-то изящные, принадлежавшие водяной фее...

– Какие у тебя планы? – резко спросил Тэйн. – Может, вездесущий Майкл возьмет на себя роль твоего шофера или ты вызовешь такси? – Не получив ответа, он помрачнел. – Полагаю, ты не надеешься, что я отвезу тебя? Сапфира инстинктивно сжалась от его сдерживаемой ярости, но, ощутив спиной мягкость диванных подушек, успокоилась. Не хватало еще унижить себя, попросив у него одолжения! Даже видеть его вот так, наедине, было для нее слишком большим испытанием, и она пошла на это только потому, что хотела сохранить чувство собственного достоинства.

– Мне от тебя ничего не нужно, – сказала она холодно. – Я намереваюсь вернуться так же, как и пришла сюда.

– Пешком! – взорвался он, с трудом сдерживая захлестнувший его гнев. – С трехлетним ребенком? – Прежде чем она успела что-нибудь понять, Тэйн быстро подошел к ней и, схватив за руки и рывком подняв с дивана, уставился в ее побледневшее от страха лицо. – Ты пришла, чтобы забрать Викторию, не так ли? Ты в самом деле собираешься лишить меня дочери, Сапфира?

– А что? – бросила она ему в лицо, опьяненная внезапной смелостью. – Неужели ты согласился бы отдать мне сына? – Гордо откинув голову, она без страха встретила его спокойно-уверенный взгляд. В ее прекрасных голубых глазах он прочел дерзкий вызов. – Нет, – сказал он с затаенной угрозой в голосе, впившись пальцами в нежную кожу ее беспомощных рук. – Нет, – тихо повторил он. – Если ты за этим приехала, забудь об этом. Я никогда, слышишь, никогда, не отдам тебе сына. По закону Стефанос мой и останется моим сыном! – Печать страдания и боли осветила какой-то необычной красотой это смуглое лицо, заставившее Сапфиру солгать ему. – Так вот почему ты пришла сюда? Чтобы забрать Стефаноса?

– Убери от меня руки! – Сапфира поразились собственной смелости и тому, как он повиновался ее резкому требованию. Она машинально подняла руки и потрогала кожу там, где он вцепился в нее пальцами, заметив, как изменилось при этом выражение его глаз. Что это было? Сожаление? Или, может быть, раздражение? Трудно сказать. – К твоему сведению, ты ошибаешься, – сказала она со спокойствием, которого вовсе не чувствовала. – Я пришла не для того, чтобы забрать у тебя сына. Напротив, я хочу сказать тебе, что готова отказаться от прав на опеку над нашей дочерью. – Она помолчала, вовсе не с целью произвести драматический эффект, а потому, что ей было не просто произнести эти слова. – Считай, что оба ребенка принадлежат тебе.

Глава 2

Сапфира все утро готовилась к этому моменту, так что сейчас ей не хотелось давать волю слезам. Видит Бог, она и так выглядит непривлекательно, не хватает ей еще опухших глаз и покрасневшего носа. К тому же в дверях показалась Эфими с подносом, на котором стояли тарелки с фруктами, яйцами, сыром, ломтиками свежеподжаренного хлеба и нарезанным тортом, и на ее приятном лице был написан плохо скрываемый ужас. Прикоснувшись к глазам поспешно извлеченным из сумки платком. Сапфира увидела, как Тэйн, поблагодарив прислугу, взял из ее рук поднос.

– Ешь, Сапфира, – не терпящим возражений тоном скомандовал он.

Она молча подняла одну из тарелок, приглашая его присоединиться к ней.

– Благодарю, – с сухой вежливостью произнес он. – Я не голоден.

Его отказ не был для нее неожиданностью. Прошло немало времени с того дня, когда они в последний раз ели вместе, и еще больше с тех пор, когда к их совместной трапезе не применялось чувство обоюдного раздражения и горечи. Без всякого удовольствия она заставила себя взять кусок торта. Он был еще теплый от жара духовки и буквально таял во рту.

– Итак. – В голосе Тэйна, первым нарушившего затянувшееся молчание, во всем его облике чувствовалась враждебность. – Ты решила отказаться от детей. Странно. Единственное, в чем я никогда не сомневался, это в твоей любви к Виктории и Стефаносу. Кто внушил тебе эту мысль? Твоя эмансипированная подруга или ее потворствующий тебе во всем братец? – В его низком голосе звучали горечь и гнев. – Я решила сама. – Она старалась не показать, как больно задел ее его презрительный тон и оскорбительное отношение к ее друзьям. – К тому же это наши дети, Тэйн, а не только мои! – со спокойным достоинством заметила она.

– Ах да! – Тэйн буквально впился в нее глазами, словно пытаясь проникнуть в тайный ход ее мыслей. – Наши дети. Один для меня, другая для тебя, с позволения закона. Это поистине Соломоново решение. Сапфира! А ты пренебрегаешь им. Почему? Потому что решила жить в грехе со своим дружкой? Решила отказаться от обоих, чтобы иметь возможность потворствовать своим желаниям, не так ли?

– Господи, Тэйн! Как можно быть таким жестоким! – Волна гнева вытеснила чувство боли. Она думала, что он образумится, получив право опеки над детьми, и не позволит себе опуститься до оскорблений. – Ты что, действительно ничего не понимаешь? – Она задержала взгляд на его самолюбивом, выражающем неприязненное осуждение лице, пытаясь найти хоть какие-нибудь признаки понимания, и не увидела таковых. – Все это не имеет никакого отношения к Лорне или Майклу. Лорна желает мне только счастья, а Майкл всего лишь друг, и то, что он мужчина, абсолютно неважно. Выражение его лица ни на йоту не изменилось, и она поняла, что все ее попытки переубедить его тщетны. Она вздохнула, сознавая свое бессилие.

– Дело не в том, что я не хочу быть с Викторией... – От волнения она почувствовала комок в горле, но она тут же сумела взять себя в руки. – Разумеется, я хочу, чтобы Виктория была со мной, чтобы они оба были со мной! Но ведь они близнецы... близнецы! Ты в самом деле не понимаешь, что это значит? Если бы ты хоть раз видел их вместе – по-настоящему видел их вместе, – ты бы знал, что они нуждаются друг в друге намного больше, чем во мне! Соломоново решение! – Она горько рассмеялась. – В Англии мне бы по закону оставили обоих детей. Какой судья решился бы разъединить близнецов, поделив их между родителями? Я не могу позволить, чтобы эта дьявольская затея осуществилась!

– В Греции нельзя отнять у отца сына! – От внутреннего напряжения углубились морщины по углам его рта, но на суровом лице не было сожаления. Если глаза действительно зеркала души, то Сапфира видела перед собой тайник с глубоко запрятанным в нем страданием, и

на минуту она почувствовала, как горячая волна жалости затопила ее. Лишь в минуту крайней безысходности могла она позволить себе сомневаться в любви Тэйна к детям.

– Все это время ты был уверен, что суд назначит тебя опекуном обоих детей, – сказала она, впервые со всей ясностью представив себе положение вещей.

– Да, – сухо признался он. – Да, я был уверен в этом. В нашей стране по крайней мере мужчина считается главой дома, ответственным за своих детей.

– Ну что ж, твое желание исполнилось. – Не в состоянии больше спокойно сидеть на месте, Сапфира поднялась, нервными движениями тонких пальцев разглаживая складки на платье. Какой наивной дурой она была, не понимая, насколько отличны законы Англии от законов стран Восточного Средиземноморья. Она считала, что одержала убедительную победу, когда Тэйн, после многих месяцев упорного отказа, вдруг согласился юридически оформить раздельное проживание.

Если бы не ее тогдашнее состояние, она бы сообразила, что он, как и она, надеется на право опекуинства над детьми. Вместо этого суд вынес идиотское, непристойное постановление о раздельной опеке над близнецами, которые, несмотря на разность пола, были с рождения настолько привязаны друг к другу, что любой, видевший их вместе, не мог не заметить этого... – Ты так считаешь? – Тэйн встал и подошел к Сапфире, в задумчивости стоящей у окна. – Как ты думаешь, почему я отказывал тебе в разводе, которого ты так добивалась? Разумеется, не потому, что ты могла отказаться от своих детей! Ты их мать, и от этого факта. Сапфира, не уйти. Это уже не изменишь, как бы мы сейчас ни относились друг к другу – И ты не права, говоря, что они не нуждаются в тебе. Если ты в самом деле так думаешь, значит, твое увлечение Майклом Уэстом мешает тебе видеть вещи в реальном свете!

– Я вовсе!.. – она чуть было не сказала «никем не увлечена», но Тэйн внезапно прервал ее возгласом, в котором слышалась неподдельная безразличность:

– Избавь меня от описаний своих любовных переживаний. У меня нет настроения их выслушивать. То, что мы не можем жить вместе как муж и жена, еще не означает, что наши дети должны быть лишены матери. Так что, если у тебя есть другие мысли на этот счет, можешь забыть их, иначе придется расстаться с довольно щедрым денежным содержанием, положенным тебе по решению суда! – При этих словах его голос задрожал от отвращения. – Я как-то не могу представить тебя кухаркой, еле сводящей концы с концами! Она почувствовала, как все ее тело буквально онемело от страха при мысли о том, что у нее мало шансов противостоять такому безжалостному противнику, как Тэйн, который не остановится ни перед чем, чтобы добиться своего.

– Итак? – с нетерпеливым раздражением спросил он, наблюдая за выражением ее лица. – Я хочу знать правду. Сапфира. Ты собираешься бросить наших детей? Именно эта причина привела тебя сюда сегодня?

Она гордо вскинула голову и обожгла его холодно-презрительным взглядом своих прекрасных глаз.

– Нет, я совсем не собиралась вычеркнуть себя из их жизни. Я все еще хочу воспользоваться своим правом видеть их как можно чаще.

– А-а, – в этом невольном возгласе слышалось не облегчение, а скорее торжество, как если бы она испугалась его угроз оставить ее без копейки денег. Ну что же, придется ему кое-что объяснить.

– Что касается денежной стороны вопроса, – с упрямым вызовом продолжила она, – я сама себя обеспечу, как только мне удастся найти работу.

– В этом не будет необходимости! – жестко отрезал он. – Мое предложение в суде было сделано без всякого давления с противной стороны. Номинально ты все еще моя жена, и как таковой я буду выплачивать тебе содержание, пока ты будешь заботиться о наших детях.

Сапфира в отчаянии всплеснула руками.

– Благодарю за щедрость, Тэйн, но мне не нужны твои деньги. С моей стороны было бы нечестно пользоваться ими теперь, когда...

– Когда я не имею права на твоё тело? – грубо прервал её он.

– Да... нет... – Смутившись, она все же заставила себя выдержать его обладающий магнетической властью взгляд и увидеть искривленные в холодной, а прежде столь добродушной улыбке губы. Прошло немало времени с тех пор, когда он наслаждался её телом. Все эти месяцы тянулись унылой чередой серых будней, лишенных радости и душевного подъема, который раньше вызывало в ней одно лишь его присутствие рядом. И все же однажды, не так давно, он опять стал боготворящим её рабом и щедрым властелином. – О Боже! Это теперешнее положение просто нестерпимо! – внезапно вырвалось у неё с болью. – Развод был бы самым правильным решением для нас обоих!

– Только не для меня, – спокойно возразил он. – Я человек слова, поклявшийся быть твоим мужем в горе и в радости, до самой смерти, не так ли?

– Все меняется... – Она отвернулась, не в силах вынести боль незаслуженной обиды. Тэйн поклялся также любить её и заботиться о ней, но это вовсе не значило, что он может спать с её сестрой и сделать Ангелию Андроникос своей любовницей!..

– Нет, не все. – Он смотрел на неё холодным и твердым взглядом. – Ты не раздумала поселиться где-нибудь поблизости, когда найдут что-нибудь подходящее, чтобы ты могла регулярно встречаться с детьми? – Она кивнула, и Тэйн не замедлил продолжить: – У тебя нет намерения вернуться в Англию и полностью отказаться от своих прав видеться с детьми?

– Нет... – Она представила себе оживленные детские мордашки, их нежные ручки и радостно-возбужденные голоса, их бескорыстную любовь и чуть не задохнулась, почувствовав внезапный спазм в горле. – Мне незачем ехать в Англию. – Особенно теперь, когда ты посеял ненависть между мною и моей единственной сестрой, могла бы добавить она, но промолчала.

– Ты можешь навещать детей так часто, как только пожелаешь, – небрежно заверил её Тэйн. – Я вовсе не собирался запрещать тебе видеться с детьми – но я принял бы любые меры, чтобы помешать тебе отнять их у меня!

– Как странно, – губы Сапфиры тронула легкая улыбка, – мы оба были уверены в нерушимости своих прав, а вышло так, что судебные чиновники обвели нас вокруг пальца.

– Ха, эти жалкие комедианты! Они выбрали для меня неподходящую роль! – В его низком голосе звучали гневные нотки, не сулившие ничего доброго тем, кто стремился лишиться его права опеки над собственной дочерью. Будь он божественным обитателем Олимпа, он, без сомнения, обрушил бы небесный гром на головы этих безумцев, чтобы заставить их изменить решение, говорил он всем своим видом в эту минуту яростного гнева.

– Ладно, теперь-то ты, надеюсь, расстанешься с красным носом и рыжим париком? – с горечью пошутила Сапфира. – В конце концов, ты получил все, что хотел.

– Не все, но пока вполне достаточно, – нахмурившись, отрезал он. Кажется, ты ждешь от меня благодарности?

– За что? – Сапфира устало отвернулась от окна. – Мое решение отказаться от своих прав не имеет к тебе никакого отношения. Оно касается лишь благополучия детей.

– В таком случае тебе следует подняться и сказать им об этом, – показал он жестом вверх. – Они в детской. Я пытался объяснить им, что сегодня ты заберешь Викторину назад в Кефину, хотя, должен признать, без особого успеха. – Насмешливо-добродушная ирония смягчила леденящую ясность его светлых глаз. – Они умудряются не видеть и не признавать того, чего им не хочется видеть и признавать, наши не по возрасту развитые *didimee*.

Услышав, что он употребил греческое слово *didimee*, означающее «близнецы». Сапфира невольно улыбнулась, обрадовавшись тому, что Тэйн тоже признал существующую между детьми тесную психологическую зависимость и не отмел с ходу ее наблюдения, приписав их игре воображения.

– Тогда пойду и успокою их, – сказала Сапфира с беззаботным видом, стараясь подавить в себе чувство обиды оттого, что ее дочь не хочет остаться с ней. Если у нее и были какие-то сомнения в правильности своего решения принести себя в жертву ради детей, то реакция дочери развеяла их.

– Разочарую, ты хотела сказать. – Тэйн забежал вперед, чтобы открыть перед нею дверь. – Последний раз я слышал, что они оба собирались уехать вместе с тобой. – (Она в изумлении уставилась на него, пытаясь понять по его невозмутимому лицу, смеется он или говорит серьезно. Но нет. На его классически правильном лице не было и тени насмешки. К тому же Тэйн всегда проявлял великодушие к побежденным.) Не решаясь сразу войти в детскую. Сапфира задержалась у двери и услышала детский смех и низкий гортанный голос Спиридоулы, что-то говорившей детям по-гречески. Возможно, устало подумала она, если бы мой греческий был немного лучше, когда Тэйн впервые привел в дом эту юную деревенскую девушку, или Спиридоула хоть немного говорила по-английски, между нами возникло бы большее взаимопонимание. А вышло так, что немногословность Спиридоулы воспринималась ею как проявление враждебности, а молчание как тупое высокомерие. Только по настоянию Тэйна, утверждавшего, что она, несмотря на молодость, знающая и преданная своим подопечным няня, ей была обеспечена постоянная работа. Теперь, спустя три с лишним года. Сапфире оставалось признать, что время подтвердило его правоту. И, конечно же, Сапфира не решилась бы уйти из семьи девять месяцев назад и поселиться у Лорны, если бы не была уверена, что в случае необходимости ее детям будет обеспечен надлежащий присмотр и ее еженощное отсутствие никак не отразится на их благополучии. Хотя вообще-то она навещала их регулярно, разумеется за исключением тех дней, когда знала, что Тэйн дома...

– Госпожа Ставролакес... – Спиридоула отметила ее приход коротким кивком черной как смоль головы.

– Здравствуй, Спиридоула, – приветливо улыбнулась Сапфира, радуясь тому, что за последние месяцы ее упорство в овладении греческим языком начинает приносить плоды.

– Мапочка, Стефанос тоже едет с нами! – Виктория, более живая и болтливая из двойняшек, бросилась к Сапфире, радостно щебеча на смеси греческого с английским, явно поощряемым Тэйном, несмотря на уход жены.

– Можно мы возьмем с собой какие-нибудь игрушки? Папочка сказал, что я должна забрать все свои платья. Можно, Стефанос тоже возьмет свою одежду? Папочка купил мне новое платье специально для сегодняшнего дня, я сама выбрала его. Посмотри, какое оно белое! – Она с радостным восторгом расправила на себе хлопчатобумажную, украшенную английской вышивкой юбку. – Как у настоящей невесты. Я выйду замуж за Костаса. Только папочка говорит, что сначала я должна научиться готовить муссаку, потому что женщина должна хорошо кормить своего мужа.

– Да, уж папочка знает, что говорит, – пробормотала Сапфира, совершенно не удивленная этим столь характерным для Тэйна проявлением мужского шовинизма, и обняла свою маленькую девочку. Затем, повернувшись к сыну, она протянула ему навстречу свои руки.

Более спокойный и скрытный, чем сестра, Стефанос внешне очень походил на отца. Явленный на свет с помощью кесарева сечения, он родился первым. Сапфира не раз спрашивала себя, не было ли это появление мальчика на свет первым сознательным решением принимающих роды врачей. Несмотря на вступление Греции в Европейское сообщество, исторические корни ее патриархального уклада все еще давали о себе знать, и в этом ей пришлось, к своему несчастью, убедиться еще раз...

– Папочка сказал, что будет очень скучать по мне, – заявил Стефанос, глядя на нее своими серьезными глазами. – Он сказал, что нельзя все время делать только то, что нам хочется... и что мы поедем с ним к морю, но я хочу быть с тобой и Вики... Пожалуйста, попроси его разрешить мне поехать с вами.

– Вообще-то папа тут ни при чем, мой дорогой. – Она быстро прижала к себе его податливое тельце. – В любом случае, – весело добавила она, видя, как омрачилось его милое личико, – наши планы изменились. Вы оба останетесь дома, с папой и Спиридоулой, а я буду очень часто навещать вас. Мы будем выезжать на прогулки, как и раньше, и нам будет очень весело, вот увидите.

– Ты больше не приходишь и не укладываешь нас спать. Вчера Вики было плохо, и она всю ночь плакала и звала тебя! – обиженно надулся Стефанос. Что же это. Господи! Сапфира почувствовала, как все оборвалось у нее внутри. Было ясно, что пока с ребенком все в порядке, а потом? Что, если она серьезно заболеет, заразившись какой-нибудь детской болезнью? Как она будет жить без нее, без них обоих? Даже если будет уверена, что Тэйн и Спиридоула сделают все от них зависящее. Что с того? Все равно она не будет спокойна...

Она изо всех сил пыталась справиться с внезапно накотившей на нее головокружительной слабостью, угрожавшей потерей сознания, но беззаботное щебетание дочери привело ее в чувство.

– Доула говорит, что я выпила слишком много шипучки. Разве ты не можешь оставаться с нами на ночь? Папочка ведь остается. Правда, вчера ночью его не было. Он не хотел уходить, потому что я болела, а потом пришла Анджела. Она сказала, что останется на ночь, чтобы папочка смог уйти по своим делам, что это очень важные дела, а еще Доула сказала, что все будет хорошо!

– А у Костаса мама куда-то уходит каждый вечер, – вдруг вставил Стефанос. – Она работает в таверне и зарабатывает много денег, потому что его папа не может покупать им вещи, которые они хотят. Ты тоже работаешь по ночам?

Что им сказать? Несмотря на их довольно раннее развитие, трудно судить, как они поймут. Интересно, что им обо всем этом успел рассказать Тэйн? Да и рассказал ли он что-нибудь вообще? Ваша мать и я больше не можем жить вместе. Мы не любим друг друга. Мы не хотим жить в одном доме и делить одну постель. Не хотим, чтобы нас видели вместе, поэтому я встречаюсь с Ангелией Андроникос. Видите ли, Ангелия – умудренная опытом женщина, вдова, которая понимает, что у мужчин есть свои потребности... Внезапно она прервала свои фантазии. Как бы там ни было, Тэйн не тот человек, который мог бы рассказать правду детям с бескомпромиссной прямоотой!

– Нет, мне вовсе не нужно работать по ночам, – сказала она сыну. – Но у меня есть очень близкий друг. Ее зовут Лорна, и она предложила мне какое-то время пожить у нее.

– Но ты ведь скоро вернешься к нам, правда, мамочка?

Именно Виктория задала вопрос, которого она больше всего боялась. Боялась все эти месяцы. Иногда ей казалось, что они свыклись с ее частыми приходами и уходами. Но в глубине души она знала, что это лишь временно. – О, я ведь буду здесь неподалеку, – поспешила ответить она. – У меня для вас чудесные планы. Нам всем предстоит очень много интересного! – Она попыталась внести в свои слова нотку оптимизма, которого вовсе не чувствовала.

– Ты все еще сердита на папу, – внезапно сказал Стефанос.

– Нет, конечно нет, я... – смутившись, она вдруг подумала, что не стоит говорить им ничего такого, что может их беспокоить.

– Ты часто кричала на него! – И снова на личике сына появилось выражение упрямой обиды.

– Он часто сам кричал на маму! – вмешалась Виктория. – Доула очень громко включала музыку и все равно не могла заглушить его голос. Воспользовавшись этой неожиданной помощью, Сапфира заставила себя улыбнуться и направилась к дверям.

– Люди часто говорят громко, когда чему-нибудь радуются, разве ты не знала? Это вовсе ничего не значит. Господи, послушали бы вы себя иногда! Удивительно, что Спиридоула до сих пор не оглохла!

– Оглохла, оглохла, оглохла! – закричала в восторге от полученного объяснения Виктория, буквально оглушив своим голосом мать.

– Тише! – строго одернула ее Сапфира, не в силах, однако, сдержать невольную улыбку облегчения. – Почему бы нам всем не спуститься в сад?

– Теперь ты уже не уйдешь от нас, да, мамочка? – тронул ее за руку Стефанос.

– О, дорогой мой, я, наверное, не смогу... – С выражением боли на лице она открыла дверь в детскую. – Папа будет удивлен, если я останусь, к тому же Лорна...

– Лорне всегда можно позвонить, – неожиданно услышала она голос Тэйна. – Я все гадал, о чем это вы здесь беседуете? – Прозвучавший в его словах вопрос свидетельствовал о том, что он подозревает ее в стремлении подорвать его авторитет, во лжи и в попытках представить его перед детьми в дурном свете. Откуда ему знать, что она никогда не позволит себе унизиться до такого? Что бы ни было между ними, это касается только их двоих. – Вообще-то мне бы хотелось обсудить с тобой кое-что, – добавил он деловым тоном.

– Я думаю, с этим можно подождать, не так ли? – Она почувствовала внезапную усталость, усиливаемую не отпускавшим ее нервным напряжением. – Нет, пожалуй, нельзя. Видишь ли, я, конечно, ценю твой благородный жест, но все это настолько неожиданно, что у меня возникли кое-какие вопросы. – Он повел детей вниз, пропустив вперед Спирвдоулу, а затем мягко взял за локоть Сапфиру. – Вернемся в гостиную. Оттуда ты сможешь наблюдать за детьми в саду, и мы спокойно поговорим. – Он посмотрел на нее настороженным взглядом. – Пойдем, Сапфира. Надеюсь, ты больше не боишься оставаться со мной наедине?

Она молча кивнула головой. Когда-то одно его присутствие вызывало в ней чувства, так хорошо знакомые всем женщинам. Теперь же у нее не было никаких ощущений. Ничего не ответив, Сапфира пошла за ним в гостиную.

– Ты помнишь Константинос?

Вопрос застал ее врасплох.

– Один из Кикладских островов? Да, разумеется. Мы поехали туда в первое же лето после женитьбы. – Она улыбнулась, вспоминая проведенные там вместе с ним три недели. – Мы жили в старом деревенском доме, который ты купил, когда твоя карьера пошла в гору и тебе нужно было иметь какое-нибудь убежище, где бы ты мог отдохнуть после слишком напряженной работы. – Она замолчала, все еще продолжая улыбаться. – Ты говорил, что я была первой женщиной, которую ты допустил в свое святилище...

– Единственной женщиной, – мягко поправил он, глядя, как она садится вполоборота к нему, чтобы видеть играющих в саду детей. – Я решил отвезти туда на несколько дней Стефаноса, пока буду работать над составлением очень сложной программы, из-за которой у всех у нас в настоящий момент голова идет кругом.

– Ну и? – Она не хотела вспоминать безмятежно-счастливые летние дни, проведенные с ним на этом крошечном кусочке рая, где не было ни взлетной полосы, ни современных дорог и который открыли для себя лишь слишком разборчивые туристы. Память об этом чудесном времени делала ее теперешнее положение особенно невыносимым, и она совершенно не понимала, какое ей дело до того, куда и зачем собирается ехать Тэйн.

– Ну и вот... Я могу еще управиться с одним ребенком, когда работаю, но никак не с двумя.

– Эфими... – начала она.

– ...уже договорилась со мной, что пробудет какое-то время в Неаполисе с братом, недавно приехавшим погостить из Штатов. – Ну что ж, Спиридоула...

– Не сможет ехать, так как жених запретил ей жить в одном доме на уединенном острове с человеком, который недавно разошелся с женой.

– Вот как! – Это проникнутое мужским шовинизмом решение для греческой девушки равносильно закону, и нет никакого смысла его обсуждать. Здесь Тэйн прав, подумала Сап-

фира. Она не сомневалась в способности Тэйна организовать для детей строгий спартанский распорядок, что позволит ему сосредоточиться на сложных компьютерных программах, составляющих неотъемлемую часть его работы, но это потребует от него дополнительных усилий и времени, к чему он вовсе не готов. Стефанос, более спокойный и замкнутый, без сестры будет вполне послушным ребенком, что же касается Виктории... Сапфира грустно улыбнулась, стараясь представить себе Тэйна в его безуспешных попытках обуздать свою брызжущую радостной энергией дочь без помощи женщины.

– Итак, ты хочешь, чтобы Виктория осталась со мной еще на несколько дней?

– Напротив. – Он помолчал, чтобы дать ей почувствовать важность того, что собирается сказать... – Я хочу, чтобы ты поехала с нами.

– Это же просто смешно! – в изумлении уставилась она на него. – Как я вообще могу куда-либо ехать с тобой? Я ведь всего лишь твоя бывшая жена! – Самоотстранившаяся жена, – холодно поправил ее Тэйн. – Но это вовсе не значит, что мы не можем найти общий язык в наших общих интересах, не так ли? Да, суд поставил некоторые ограничения, потому что таково было наше желание, но, если, по обоюдному согласию, мы решим пренебречь ими, нас ведь не оштрафуют, верно? – приподнял он одну бровь, ожидая ее реакции, и, не услышав возражений, невозмутимо продолжил: – Представь, ты только что сказала детям, что они останутся вместе. Стефанос знает, что я собираюсь взять его с собой на Константное, поэтому Виктория будет считать, что она тоже поедет с нами на остров. Так что решение вполне очевидно. Так как ты будешь со мной, дружок Спиридоулы вряд ли будет возражать, чтобы она поехала с нами. На нее лягут основные обязанности по уходу за детьми, а мы будем заниматься каждый своим делом. К тому же, – он окинул ее внимательным взглядом, от которого не укрылось ничто: ни замешательство в ее глазах, ни удивленно приоткрывшиеся губы, ни суетливо нервные движения рук и ног, – отдых явно пойдет тебе на пользу.

– Но мы не можем вместе жить в одном доме! – в отчаянии воскликнула она.

– Почему же? – с упрямым вызовом спросил он ее. – Как ты помнишь, в доме хватит с избытком места для всех и еще останется. Мы даже можем не общаться друг с другом без крайней необходимости. Подумай только, сколько в этом преимуществ: у приятеля Спиридоулы не будет повода для ревности, я получу необходимый для работы покой, а тебе, – он сделал небольшую паузу и продолжил: – ...тебе, Сапфира, выпадет несколько драгоценных дней и ночей, которые ты проведешь с детьми, прежде чем навсегда оставишь их на мое попечение.

– Тэйн! – его имя прозвучало как полупротест-полузакливание. Как может он столь жестоко иронизировать над ее несчастьем? И все же многие, вероятно, скажут, что Тэйн поступает благородно, предоставляя ей возможность в последний раз излить на детей свою материнскую любовь. Как когда-то, в счастливые дни их жизни, он и теперь называет ее по-гречески «моя Сапфира». Позволительно ли ей снова обольщаться его сладостными речами?

И все же его предложение показалось ей выгодным: время, проведенное с детьми, даст возможность успокоить их, убедить, что, покидая дом, она вовсе не попадает их, что она любит их так же, как и отец, и не может жить с ними только из-за решения суда, что ее действия подсказаны исключительно интересами малышей...

– Почему ты сомневаешься? – подбодрил он ее. – Ты что, боишься меня?

Думаешь, что я нарушу условия нашего соглашения о раздельном проживании? Широко раскрытые глаза Сапфиры выражали отчаяние и боль. Как ей ответить на этот вопрос? Она знала своего бывшего мужа как гордого и страстного человека, который не желал порывать с ней законные связи не потому, что любил ее, а потому, что до сих пор считал ее своей собственностью и его мужская гордость требовала, чтобы он оставался ее хозяином, даже если ради этого нужно было делить свое имя, свою собственность и все доходы с той, которую он больше не любит.

– Вот так. – Казалось, он прочел ответ на свой вопрос на ее лице. Сапфира безмолвно наблюдала, как, прежде чем продолжить, он медленно провел языком по верхней губе. – Ты до сих пор еще не поняла, что тебе удалось то, чего не удалось ни одной другой женщине, моя милая? – вкрадчиво спросил он ее с нескрываемой враждебностью во взгляде. – Ты лишила меня моего мужского достоинства. Я сейчас значу меньше, чем какой-нибудь пляжный ловелас или любвеобильный официант, надеющийся добиться твоей благосклонности.

Закон запретил мне физический контакт с тобой, не важно, чем он вызван, гневом или страстью. Мне, человеку, державшему тебя в своих объятиях и ласкавшему в своей постели твое тело, до сих пор носящее на себе отпечаток этих ласк, оплодотворившему тебя своим семенем, мне, которого ты поклялась любить и почитать всю жизнь, грозит тюремное заключение, если я хоть пальцем коснусь твоей нежной кожи. Можешь ли ты понять, как сильно влечет меня твоя плоть, если я добровольно согласен прозябать в тюрьме за радость обладания ею? Можешь, Сапфира?

– Нет... – Сапфира невольно закрыла глаза, чтобы не видеть его искаженное болью лицо и свое собственное отражение в широком зеркале, делавшем эту дорогую ей комнату еще более просторной. Она чувствовала, как ее плоть, плоть женщины, с которой он с такой жестокостью только что говорил, сжимается под ядовитым жалом его презрения. Если она и была когда-то тщеславной, то с рождением близнецов этот грех был искоренен навсегда.

Она боялась увидеть свое исхудалое тело, ставшее таким некрасивым и угловатым. У нее не было иллюзий относительно собственной привлекательности, особенно рядом с Тэйном, чья классическая мужская красота сочеталась с острым умом и горячей чувственностью, выделявшими его среди остальных мужчин его круга, да и собственный ее опыт подсказывал, что он ничего не питает к ней.

Сапфира почувствовала, как ее щеки заливают краска смущения.

– Нет, – прошептала она. – Думаю, что нет.

– В таком случае тебя тревожит мнение твоего анемичного соотечественника и этой ведьмы, его сестры!

– Лорна никакая не ведьма. У меня никогда не было лучшего друга! – От негодования ее бледные щеки стали пунцовыми. – Оскорбление не делает тебе чести. Лорна дала мне убежище, когда для меня стало невозможно оставаться рядом с тобой! – Она глубоко вздохнула, видя, как от гнева напряглись мускулы его лица, и продолжала, полная решимости доказать Тэйну его неправоту, хотя разум подсказывал ей, что она бьется головой о стену его непонимания. – Что же касается ее брата, то, может быть, Майкл не обладает обаянием, отличающим мужскую часть семьи Ставролакесов, зато он преданный друг, добр, внимателен и никак не влияет на мои решения. Как бы тебе ни хотелось верить в это, он никогда не был и не будет моим любовником!

– Так ли это? – Он задумчиво смотрел на ее взволнованное лицо. – Я очень надеюсь, Сапфи, потому что, пока у меня есть власть, ты никогда не будешь его женой, не будешь носить под сердцем его детей!

– Мне нужны только дети, которые у меня есть. – Она устало поднялась.

– Или, точнее сказать, которые у меня когда-то были...

– Так докажи это, Сапфи! Докажи, что их благополучие значит для тебя больше, чем мнение этой ведьмы или человека, который, как ты только что сказала, не является твоим любовником. – Он быстро шагнул к ней, загорюбив выход из комнаты. – Если ты действительно предана Стефаносу и Виктории, ты не будешь настолько эгоистична, чтобы испортить им радость в последний раз побыть вместе с тобой и со мной.

Глава 3

– Ты просто сошла с ума! – заявила Лорна Уэст, глядя, как Сапфира быстро и ловко упаковывает свой небольшой чемодан. – После стольких мук, после такой травмы ты наконец можешь забыть этого человека и не встречаться с ним, а вместо этого ты собираешься провести с ним несколько дней на острове? – Она смотрела на нее с раздраженным недоумением. – Помоему, Сапфи, у тебя что-то не в порядке с головой.

– Ну что же, ведь это уже не впервые, не так ли? – спросила Сапфира, и ее губы растянулись в вымученной улыбке.

– Не пытайся меня в чем-то обвинять, – резко выпалила Лорна, – если ты намекаешь на свои визиты к психиатру, когда была в больнице, из этого ничего не выйдет. Мы обе знаем, что твоя болезнь после рождения близнецов была вызвана гормональным расстройством, и это подтвердили анализы врачей. Теперь же все выглядит иначе. Ты рассуждаешь по меньшей мере странно! – Ее тон смягчился. – Ты ведь знаешь, что я желаю тебе только добра.

– Да, знаю. – На этот раз улыбка Сапфиры была по-настоящему искренней.

Встреча с Лорной сыграла решающую роль в ее выздоровлении. Сапфира была уверена в этом. Одинокая и несчастная, переживавшая глубокую депрессию, вызванную мыслями о разрушившемся браке и предательстве родной сестры, Сапфира благодаря встрече с Лорной вновь почувствовала интерес к жизни.

Несомненно, лечение и внимание врачей во время ее трехмесячного пребывания в клинике помогли ее физическому выздоровлению, но именно Лорна с ее оптимизмом вернула ей уверенность в себе. Тэйн распорядился, чтобы ее кормили из находившегося поблизости первоклассного ресторана. Несмотря на разнообразие великолепно приготовленных блюд, по-настоящему Сапфира почувствовала вкус к еде лишь тогда, когда принесла ей обед Лорна. Будучи англичанкой, Лорна смогла пробиться сквозь барьер холодной отчужденности, которым Сапфира себя окружила. Радость от возможности говорить на родном языке с этой жизнерадостной, искрящейся энергией и юмором женщиной, умеющей не только говорить, но и слушать, обладающей душевным теплом и здравым смыслом, оказалась тем тонизирующим средством, в котором так нуждалась Сапфира.

Только раз, когда в этом действительно была необходимость, появилась Лорна в качестве официантки, но, к большой радости Сапфиры, она стала просто ее проводить, и в конце концов между ними завязалась крепкая дружба. Ко времени выхода из больницы Сапфира уже знала все о жизни Лорны, о том, что, оставив работу в одном из лондонских рекламных агентств, чтобы покончить с ненужной любовной связью, она временно поселилась в Греции и, используя свои способности к рекламе, помогла процветанию ресторана, владельцами которого были ее брат Майкл и местный греческий бизнесмен.

В свои тридцать с лишним лет Лорна была замечательно интересной женщиной, энергичной, уверенной в себе и своих способностях и совершенно не похожей на «ведьму», как несправедливо называл ее Тэйн, посчитав своей соперницей, занявшей место, по праву принадлежащее ему одному.

Именно Лорна предоставила ей убежище, в котором она жила последние девять месяцев, ожидая, как и Тэйн, пока суд не сделает их развод юридическим фактом. За одно это Лорна заслуживала права на полную откровенность.

– Все сейчас изменилось, Лорна, – терпеливо объясняла она. – Тэйн полностью признает, что юридически не имеет на меня никаких прав. Он сам сказал, что, если коснется меня хоть пальцем, я могу отправить его в тюрьму. В худшем случае мы чужие, в лучшем – друзья.

– Друзья! – Лорна и не пыталась скрыть своего презрения. – Знаешь что, моя милая, если ты действительно веришь, что страсть может перейти в дружбу только потому, что так

решил суд, ты еще более невменяема, чем я думала. Что же касается тюрьмы... – Она многозначительно помолчала. – Мы обе хорошо знаем, что у тебя не хватит духу посадить Таноса Ставролакеса за решетку, а раз это знаем мы, то и он наверняка знает.

– Возможно, ты и права, – неохотно признала Сапфира. Только садистка могла бы заключить в клетку свободолюбивого и гордого хищника, а ей всегда была ненавистна всякого рода жестокость. – Но у Тэйна свой кодекс чести...

– Ты имеешь в ВИДУ то, что он соблазнил твою сестру и не скрывает, что она его любовница? – насмешливо вздернула брови Лорна.

– Я все равно не смогла бы доказать это! – поспешно сказала Сапфира в свою защиту. – Если бы это было возможно, я бы сразу получила развод и не оказалась бы в моем теперешнем положении. В любом случае сейчас это не имеет значения. Я верю, что он не нарушит обещания не досаждать мне. – Ну что ж, может быть, ты и права. – Неохотная уступка Лорны застала Сапфиру врасплох. – Если он перейдет границы, ты сможешь потребовать у него опекуна над Стефаносом. Он прекрасно это понимает!

К тому же он больше не чувствует физического влечения к ней, с внутренней дрожью подумала Сапфира. Он дал ей со всей очевидностью это понять, когда она в последний раз поделила с ним свою постель.

– Да, вот какие дела.

– Послушай, Сапфи, – участливо спросила Лорна, – неужели ты считаешь, что несколько идиллических дней, проведенных с близнецами, облегчат тот момент, когда тебе придется окончательно проститься с ними?

Сапфира с дерзким вызовом посмотрела на подругу.

– Помнишь поговорку: стоит ли думать о завтрашнем дне, который может никогда не наступить?

– О, моя дорогая, – грустно покачала головой Лорна. – По своему опыту знаю, что он всегда наступает.

– Тогда я встречу его с открытым забралом, – твердо заявила Сапфира, отказываясь признать, что в замечании Лорны есть доля правды. Сначала она просто не хотела думать об этом, но затем поняла, что несколько дней незамутненного счастья вместе с детьми – это подарок, который она не может отвергнуть.

– Будь по-твоему, – сдалась наконец Лорна. – Возьми с собой крем для загара. На островах солнце и ветер могут превратить персик в сушеный чернослив. – Опытным взглядом она окинула волосы Сапфиры. – И мой голову хорошим шампунем из кокосового масла, иначе станешь больше похожей на старую ведьму, чем на спящую красавицу.

– Думаю, с этим я немножко запоздала! – Сапфира удрученно провела пальцами по волосам, с отвращением ощущая их жесткую сухость.

– Чепуха, никогда не поздно заботиться о своей внешности, а в твоем возрасте немного времени и усилий могут сотворить настоящее чудо. – Лорна окинула критическим взглядом фигуру подруги. – С тобой все в порядке, нужно лишь позаботиться о некоторых, так сказать, косметических тонкостях. Предоставь это мне, я сделаю из тебя настоящую красавицу. Взамен я только прошу тебя, ешь как следует, когда приедешь туда! Договорились?

– Согласна, – улыбнулась Сапфира. Чувствуя себя многим обязанной Лорне, она не могла противиться ее наставлениям, ведь они делались из лучших побуждений и никакого вреда принести не могли.

Упаковывая чемодан, она вспоминала о событиях сегодняшнего дня. Уступив настояниям Тэйна, она осталась с детьми дольше, чем собиралась вначале. Они вместе поужинали, и Сапфира с удовольствием слушала, как они радостно щебетали о предстоящей поездке. Тэйн вскоре исчез в своем кабинете и вернулся тогда, когда она сказала Эфими, что собирается

уходить. Изменив свои прежние намерения, он ждал ее в своем синем «мерседесе» у главных ворот. Увидев Сапфиру, он распахнул дверцу автомобиля.

Сапфира не хотела от него никаких одолжений. Она уже открыла рот, чтобы сказать, что предпочитает идти пешком и, если он собирается отвезти ее в машине, она не согласится. Но он не дал ей такой возможности. К тому же в данной ситуации ее отказ прозвучал бы неуместной грубостью и она оказалась бы в невыгодном положении. Да и если быть честной, ее вовсе не прельщала перспектива проделать долгий обратный путь пешком по пыльным улицам. И раз уж Тэйн позволил себе передумать, почему бы не передумать и ей, размышляла она. Со словами благодарности она села на переднее сиденье рядом с ним, с удовлетворением отметив, как в удивлении взметнулись его брови от столь неожиданной уступчивости. Ей было приятно сознавать, что он готовился к словесной схватке, а она лишила его удовольствия скрестить с ней шпаги.

Она мысленно улыбнулась этой вспомнившейся картине и захлопнула крышку чемодана. Возможно, если бы она с готовностью не спорила с ним по всякому поводу в течение пятилетнего супружества, жизнь была бы намного легче для них обоих. Как ни странно, но относительно большая свобода, которую она получила благодаря решению суда, притупила ее некогда страстное желание воспользоваться ею, чтобы насолить Тэйну.

К тому темени, когда она вышла из ванной, вернулась Лорна, держа в руках многочисленные баночки и флаконы.

– Кожный увлажнитель, ночной крем, глазной гель, крем для рук, мазь от солнечных ожогов и морщинок на лице, крем для ухода за волосами... перечисляла она, расставляя все эти богатства на туалетном столике.

– О Боже! – развеселилась Сапфира. – Наверное, я выгляжу намного ужаснее, чем предполагала. Неужели все это действительно может помочь?

– Большинство из них в какой-то мере да, я уверена, – с видом знатока заявила Лорна. – Но что нам действительно необходимо, так это мазь, избавляющая от серьезных мыслей. А пока ее нет, боюсь, призрак неминуемых морщинок будет постоянно преследовать нас. Хоть это не значит, что их приход нельзя отсрочить. И не забывай, что твоя нежно-розовая английская кожа не создана природой для ярких лучей здешнего солнца. Прими от меня эти богатства, Сапфи, и пользуйся ими себе на радость. В конце концов, время когда-нибудь ляжет тяжким грузом на твои плечи. Сомневаюсь, что на Константиносе с наступлением темноты жизнь бьет ключом, так что вечерами ты сможешь развлекаться, втирая в себя все эти атрибуты женской прелести!

Оставшись одна, Сапфира открыла баночку с увлажняющим кремом и слегка намазала им лицо. Лорна хотела сделать как лучше, и Сапфира не могла огорчить ее отказом, хотя сама она была склонна отдаться во власть неумолимой природы.

Позже, лежа в постели под прохладной простыней, она никак не могла заставить себя заснуть. Следуя процедуре, которой ее научили в больнице, она сознательным усилием воли попыталась расслабить мышцы тела, начиная с пальцев ног и постепенно доходя до мускулов шеи и головы. Но стоило ей потерять самоконтроль, как мысли ее начинали произвольно блуждать, перед ней проносились картины ее прошлого, и, естественно, того периода, когда пять с половиной лет назад все это только начиналось.

Впервые они с Тэйном поцеловались, причем по ее инициативе, за час до полуночи, перед наступлением Рождества.

– Я хочу вам кое-что показать, – бойко сказала она, потянув его за собой, когда все встали из-за праздничного стола и направились в гостиную, где, несмотря на сравнительно теплую погоду, ярко полыхал традиционный английский камин.

Еще утром она отломила ветку от толстого пучка омелы, украшавшей люстру в холле, и воткнула ее над рамой дверей, ведущих в свободную комнату на первом этаже, служившую одновременно кабинетом и комнатой для игр.

– У древних друидов существовал обычай, – с безмятежным видом сказала она ему, показывая на ветку зеленых листьев со светящимися в темноте ягодами и чувствуя, как каждый нерв напряженно вибрирует, а сердце бьется в бешеном ритме от прикосновения его пальцев, властно сомкнувшихся вокруг ее руки. – Пока на ветке есть ягоды, мужчина может встать под ними и украсть у женщины поцелуй. Но каждый раз, делая это, он должен сорвать одну из ягод. Когда на ветке не останется ни одной ягоды, он имеет право... прикоснуться к ней!

– А она не имеет права отказать ему? – В выражении его лица она увидела любопытство и одновременно холодный мужской расчет, отчего ее давление подскочило по крайней мере на единицу.

– В общем, нет, если она окажется прямо под веткой, – поддразнивала она его с расширившимися от трепетного ожидания глазами. Он, конечно, не настолько невоспитан, чтобы отказаться почтить традиции страны, в которой он гость?

Ее опасения оказались напрасными. С насмешливыми искорками в светло-зеленых глазах он приник к ее мгновенно открывшимся в ожидании нежным губам. Почувствовав теплоту его дыхания и отдаваясь обжигающей ласке его губ, она потянулась рукой к его жестким густым волосам и провела по ним розовыми кончиками пальцев, прижимаясь к нему всем телом и чувствуя, как все ее существо поддается его мужскому магнетизму.

– Сапфи, о Сапфи!.. – Его бархатные губы ласкали ее щеки, нос, обжигали огнем страсти ее мягкие губы, а его язык настойчиво стремился проникнуть внутрь, в сладкие тайны ее рта. Она вся пылала, наслаждаясь тончайшими нюансами своих ощущений, и самозабвенно отвечала на его ласки, приподнявшись на цыпочки и нежно прижавшись к нему всем телом, радуясь тому, что ее близость разжигает его мужскую страсть.

Когда его руки скользнули вниз и она почувствовала дрожащие пальцы на своем теле. Сапфира исторгла стон блаженства, испытывая дотоле неведомые ей чувства. Он сочетал в себе все, о чем она мечтала: красив, мягок и в то же время властен. Он моментально завладел подготовленной ею же ситуацией, превратив безобидный языческий обычай в нечто неизмеримо более опасное и разбудив в ней доселе дремавшее и вдруг внезапно захватившее ее желание.

– Сапфи... – хрипло выдохнул он, оторвавшись от ее губ. – Милостивый Боже, Сапфи!

– Что? Что-нибудь случилось? – Сгорая от желания продлить блаженство, от которого все ее тело трепетало в пьянящем ожидании, она с беспокойством вглядывалась в его лицо, опасаясь, что в своей неопытности сделала что-нибудь не так.

Он смотрел на нее взглядом, полным внутреннего огня, но теперь он был серьезен.

– Ничего, – глухо ответил он, глядя в ее обращенное к нему лицо. – Я и не знал, что у друидов были такие... интересные обычаи.

– Сапфи! Где ты? – Голос Эбби вывел ее из транса, держащего ее в плену его объятий. Она тут же отпрянула от него, все еще дрожа от опалившей ее близости, слишком неуверенная в том, что же между ними произошло, чтобы рассказать об этом третьему, пусть и очень близкому, лицу.

– Дэвид хочет поиграть в шарады. Ты не составишь нам компанию? – услышали они раздавшийся рядом голос и увидели Эбби, со смущенным видом рассматривающую сестру и друга своего брата, стоявших под веткой омелы. – О, прошу прощения, – в замешательстве пробормотала она. – Я думала... – Baula сестра рассказывала мне о чудесном обычае друидов, – невозмутимо вмешался Тэйн. – Вы позволите?

Он подошел к Эбби и, взяв ее за руку, подвел к дверям, украшенным веткой омелы. Она видела, как хорошенькое личико ее сестры еще больше порозовело, когда высокий грек слегка

прикоснулся губами к ее нежным щекам, прежде чем торжественно сорвать с ветки еще две ягоды.

Впервые в жизни она почувствовала укол ревности к старшей сестре. Несмотря на разницу в пять лет, они всегда были очень близки и поверяли друг другу свои тайны. У кудрявой кареглазой Эбби никогда не было недостатка в мальчиках, хотя до сих пор в ее жизни не было ни одного серьезного увлечения, и Сапфира никогда не завидовала ее популярности у представителей противоположного пола. Она, скорее, гордилась легкими победами сестры.

Рождественское приветствие Тэйна было коротким и невинным и помогло снять напряженность созданной ею ситуации. И все-таки как же она ненавидела в ту минуту Эбби за то, что она пришла и все испортила. Не тогда ли, в ту самую минуту, Тэйн впервые почувствовал, что его влечет к ее сестре? В свои двадцать два года Эбби была намного ближе ему по возрасту, чем Сапфира, плюс она обладала опытом и искушенностью, свойственной тем, кто сам зарабатывает себе на жизнь.

В довольно испорченном настроении Сапфира присоединилась к остальным членам семьи и гостям, чтобы провести пару часов за традиционной игрой в шарады, прежде чем объявить о своем намерении идти спать, хотя сон тогда никак не мог успокоить ее возбужденное, но неудовлетворенное тело. Следующие несколько дней прошли в упоительной атмосфере развлечений, в радости с горьким привкусом разочарования из-за того, что она была вынуждена делить общество Тэйна с Эбби и Дэвидом. Он желал ее, она это видела! Однако он не выказывал этого и не позволял себе поставить в неловкое положение ни ее, ни родных, открыто флиртуя с ней. И все же она чувствовала это в как бы случайных прикосновениях их тел, в его предназначенной только для нее улыбке, в его взгляде и особой интимности вроде бы ничего не значащих слов. – Когда я снова увижусь с вами наедине, Сапфи? – Он последовал за ней в столовую, где она накрывала стол для предновогоднего ланча, и встал, прислонившись к двери, предварительно закрыв ее, чтобы обезопасить себя от нежеланных свидетелей их разговора.

Какой-то частью своего «я» она ощущала, что рядом, на кухне, находятся мать и сестра, раскладывающие по тарелкам утреннюю трапезу, отец с братом сидят у телевизора в просторной гостиной, все остальное в ней было пронизано сознанием, что в эту минуту на всем свете существует лишь два человека – Тэйн и она.

– А вы этого хотите? – Юная и – застенчивая, она бросила на него быстрый взгляд из-под опущенных ресниц, чувствуя, как ее бросает в жар от его слов. – Мне казалось, что вам приятно быть в обществе Дэвида и Эбби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.